

ГАЛИМОВА Елена Шамильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 72 научных публикаций, в т. ч. трех монографий, четырех учебно-методических пособий

СПЕЦИФИКА СЕВЕРНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЛОКАЛЬНОГО СВЕРХТЕКСТА

В статье впервые определяется место Северного текста русской литературы в системе сложившихся в отечественной словесности локальных (городских и региональных) сверхтекстов, дается характеристика Северного текста и описываются его главные свойства.

Ключевые слова: региональный сверхтекст, «северный текст», художественная картина мира.

На современном этапе изучения литературных сверхтекстов наибольшее признание у отечественных филологов получило определение, предложенное Н.Е. Меднис, охарактеризовавшей феномен сверхтекста как «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»¹.

Это определение во многом восходит к концепции В.Н. Топорова², работы которого, наряду с исследованиями Ю.М. Лотмана и других ученых тартуско-московской семиотической школы, посвященные Петербургскому тексту, положили начало изучению локальных сверхтекстов. Само понятие «Петербургский текст» было введено в научный оборот в 1984 году, когда в 18-м выпуске «Трудов по знаковым системам» Тартуского университета были опубликованы статьи В.Н. Топорова «Петербург и

“Петербургский текст русской литературы”» и Ю.М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города».

Осмысление (точнее, реконструкция) Петербургского текста В.Н. Топоровым помимо безусловной самоценности оказалось «заряженным» таким мощным научным потенциалом, что стало катализатором гуманитарной мысли на несколько десятилетий, обозначив вектор изучения локальных сверхтекстов. Поначалу основное внимание последователей Топорова оказалось сосредоточенным на освоении (воссоздании) в возможно более полном объеме собственно Петербургского текста, к чему побуждала прежде всего сама топоровская мысль: ученый определил природу Петербургского текста, обозначил методологические подходы к его осмыслению и открыл перспективы дальнейшей реконструкции его.

При этом, в соответствии с традициями семиотической школы, Петербургский текст

первыми его исследователями (и многими последователями) понимается как культурное пространство города в целом, а не только как совокупность литературных произведений. Так, Ю.М. Лотман рассматривает семиотическое пространство города как «котел текстов и кодов», при этом в роли текстов выступают не только литературные произведения и – шире – письменные источники, но также и устные высказывания, и «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц...»³, т. е., по Лотману, «культура в целом может рассматриваться как текст»⁴.

Но в последние годы в центре внимания ученых и при исследовании Петербургского текста, и при попытках описания других локальных сверхтекстов чаще оказывается текст в его филологическом понимании: как сознательно организованный результат речевого процесса, как мысль, облеченная в определенную форму, и в более узком смысле – как письменный источник, как литературное произведение.

В монографии Н.Е. Меднис 2003 года, посвященной сверхтекстам в русской литературе, отмечается: «Наиболее проработанными в научном плане являются на данный момент сверхтексты, порожденные некими топологическими структурами – так называемые “городские тексты”, к числу коих принадлежат Петербургский текст русской литературы, отдельные “провинциальные тексты” (Пермский, к примеру), а также тексты Венецианский, Римский и другие. В стадии систематизации материала предстает в данный момент Московский литературный ареал, пока не описанный в своей цельности»⁵.

За последние годы исследовательский интерес к локальным литературным сверхтекстам многократно возрос. Появились содержательные работы, посвященные Сибирскому тексту русской литературы и Алтайскому тексту как его отдельной составляющей⁶. Активно исследуются Крымский, Вятский, Московский, Лондонский сверхтексты⁷.

При этом семиотико-культурологическое понимание текста не теряет своей актуально-

сти, а работы филологов часто соседствуют в научных сборниках, посвященных локальным сверхтекстам, с работами философов, культурологов, фольклористов, историков, и этот интегративный подход убедительно демонстрирует свою плодотворность⁸.

Если осмысление самого феномена локального сверхтекста началось с городского – Петербургского – текста, то сегодня наряду с городскими активно разрабатываются и региональные сверхтексты, о чем свидетельствуют приведенные выше перечни. Очевидно, что локус города и локус региона имеют во многом различные параметры и смыслы. Существующие методы исследования сверхтекстов адекватны прежде всего для изучения городских текстов. Для семиотической культурологии, опирающейся на концептуальные представления о городе как феномене культуры, «город – это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир. Город-идея преобразовывает, преобразует среду обитания специфическими средствами (архитектура, планировка и др. функционально-эстетические способы градостроительства). <...> В итоге город становится культурной семиосферой, не только средоточием цивилизации и культуры, но подчас и неким сакральным топосом, на который накладывается сетка символично-мифологических представлений»⁹.

Разработанная исследователями городских текстов методология, оставаясь базовой, не может быть достаточной при осмыслении феномена того или иного регионального сверхтекста, поскольку и характер художественного пространства, и мотивный субстрат, и культурные коды такого текста, обусловленные самой спецификой той или иной территории (географической, геополитической, исторической, этнографической, социальной, мифологической) наделены совсем иными свойствами, нежели культурно-семиотическое пространство города.

В последние годы возрос интерес ученых-филологов к исследованию вербального

выражения национального менталитета, что отразилось в формировании таких отраслей лингвистики и литературоведения, как этнолингвистика и этнопоэтика, достижения которых активно используются при реконструкции региональных свертхтекстов. Перспективным направлением становится и исследование языковой картины мира лингвистами и художественной картины мира литературоведами. Художественная картина мира, запечатленная в том или ином региональном литературном свертхтексте, включает в себя совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления. Отражая своеобразие менталитета этнокультурных групп, она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира, а с другой – с общенациональной картиной мира, и ее воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального свертхтекста.

Однако увлечение локальными текстами, которое переживает сейчас отечественное литературоведение, имеет и свои негативные стороны. Абсолютизировать этот подход и применять его к изучению словесности любого локуса – значит игнорировать саму сущность свертхтекста. Далеко не любой город и не любая местность способны «породить» свой текст, образ не каждого города и не каждой местности может обладать чертами свертхтекста.

Рассуждая о перспективах умножения количества городских текстов, Н.Е. Меднис писала: «На вопрос, какие провинциальные города России образуют свои литературные свертхтексты, можно с достаточно высокой степенью уверенности ответить – немногие. <...> Чаше мы видим в литературе некие очевидные осколочные текстовые образования, позволяющие говорить об образе того или иного города в творчестве какого-либо писателя или ряда писателей, как о Вятке в произведениях Салтыкова-Щедрина, о Тамбове или Саратове в русской литературе XIX века. Однако вряд ли можно при этом

вести речь о Вятском или Тамбовском текстах русской литературы в целом»¹⁰.

Справедливым представляется и замечание К.В. Анисимова: «Увлеченное “локальными текстами” современное отечественное литературоведение редко прибегает к иерархизации образов тех территориальных миров, которые воссоздаются в культуре. Так, по умолчанию равнозначными признаются любые территориальные тексты, которые находятся за рамками московского и петербургского культурных локусов. Нередко родовым, объединяющим понятием для них служит понятие “провинциального текста”. Однако когда тот или иной топографический ареал идентифицируется как провинциальный, тогда неизбежно активизируются два его альтернативных, но “неразрывно связанных друг с другом смысла – убогого никчемного захолустья и потерянного рая”¹¹. В этой ситуации научное исследование... рискует выйти за рамки науки в эмоционально-политическую плоскость»¹².

В то же время нам не близка категоричность мнения непоименованного оппонента Э.Ф. Шафранской, которое она привела в предисловии к своей монографии о Ташкентском тексте русской литературы, упомянув о том, как при обсуждении одной из ее публикаций на эту тему рецензент статьи (авторитетный этнограф, фольклорист) оппонировал ей следующим образом: «Когда В.Н. Топоров писал о “Петербургском тексте”, он не предполагал, что за этим последует. Он настаивал на его уникальности и не уставал повторять, что никаких других городских текстов в русской литературе не было создано»¹³.

Не рассматривая подробно проблему городских свертхтекстов, отметим лишь, что убедительные исследования Н.Е. Меднис – о Венецианском, Л.С. Прохоровой – о Лондонском, В.В. Калмыковой и других исследователей – о Московском литературных текстах доказывают реальность их существования.

Обратившись к региональным свертхтекстам, обозначим те условия, которые делают возможным их существование (и соответ-

ственно – описание). По сути, это единственное условие, но оно имеет два плана – условно говоря, «внешний» и «внутренний». Первый, «внешний», касается статуса самого локуса, значимости его в историко-культурном и геополитическом отношениях. Второй, «внутренний», связан со способностью этого локуса «породить» сверхтекст.

Приведем еще одно высказывание Н.Е. Меднис, отметившей, что возникновение сверхтекстов и потребность их исследования «во многом определяются пульсацией сильных точек памяти культуры, пульсацией, настойчиво подталкивающей к художественной или научной рефлексии по поводу ряда культурно и/или исторически значимых в масштабах страны либо человечества явлений, таких как Москва или Петербург в истории и судьбе России, Венеция в культурно-духовном пространстве России и Европы, Рим в общечеловеческой культуре и т. п. В ходе исследования различных литературных сверхтекстов постоянно проясняются те внутренние тенденции русской культуры, которые связаны с внутригосударственными процессами и с положением России в мировом географическом и культурном пространстве, тенденции, нечто обусловившие в прошлом и гипотетически, гадательно предсказывающие неопределенно далекое будущее»¹⁴.

Сказанное Н.Е. Меднис о великих и древних городах применимо и к региональным локусам. Вряд ли у кого-нибудь могут возникнуть сомнения в исключительной роли в истории России и в национальном сознании огромного Урало-Сибирского региона или небольшого, но стратегически и культурно значимого Крыма. В этом отношении и территория Русского Севера, бесспорно, выделяется среди других регионов России своим особым местом в национальной истории и культуре.

Осознание уникальности Русского Севера, не сводимого к понятиям «провинция» и «захолустье», происходило в русском обществе постепенно, начиная с середины XIX века. Наиболее содержательными работами, раскрывающими этот процесс и определяющими основные параметры специфики субкультуры

Русского Севера, представляются нам статьи доктора культурологии А.Н. Соловьёвой¹⁵. Вслед за философом-культурологом Н.М. Теребихиным, А.Н. Соловьёва выходит в своих работах ко второму, «внутреннему» плану – условию, определяющему способность локуса к порождению сверхтекста. Сущность этого условия была сформулирована еще В.Н. Топоровым применительно к Петербургскому тексту и сохраняет свою значимость в отношении любого локального сверхтекста. По Топорову, Петербургский текст есть порождение не столько реального города Санкт-Петербурга, сколько «Петербургского мифа», т.е. для возникновения сверхтекста локус должен обладать наряду с исторической, культурной, социальной и любой иной значимостью также и мифологическим, символическим смыслом, переживаться как мифологизированное образование.

Свою знаменитую работу о Петербургском тексте Топоров начинает так: «И призрачный миражный Петербург (“фантастический вымысел”, “сонная греза”), и его (или о нем) текст, своего рода “греза о грезе”, тем не менее принадлежат к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже неотделимы от мифа и всей сферы символического. На иной глубине реальности такого рода выступают как поле, где разыгрывается основная тема жизни и смерти и формируются идеи преодоления смерти, пути к обновлению и вечной жизни»¹⁶.

По эффектному замечанию Ю.М. Лотмана, в истории Петербурга «символическое бытие предшествовало материальному. Код предшествовал тексту»¹⁷.

Вслед за В.Н. Топоровым, следуя его подходу к реконструкции сверхтекста, В.И. Тюпа в статье 2002 года «Мифологема Сибири: к вопросу о “сибирском тексте” русской литературы» охарактеризовал комплекс сибирских мифологем (на материале классических произведений литературы XIX века) как трансформацию архетипов инициационной обрядности¹⁸.

К.В. Анисимов, размышляя о своеобразии Сибирского текста, отмечает, что «конструиру-

вание сибирского ландшафта в русской культуре представляло собой сложный процесс постоянного колебания базовой оценки наблюдателя, словно раздваивающегося между задачей дальнейшего отчуждения Сибири и противоположной установкой, которая заключалась в символическом освоении / присвоении, включении Сибири в контур национальной жизни. ... Обе эти установки подразумевали наделение Зауралья определенными ролями в рамках функционального поля культуры, соединение Сибири с тем или иным заданием, которое она как социально-географическая и мифологическая реальность может выполнять по отношению к человеку»¹⁹.

Исследователь Пермского текста В.В. Абашеев также характеризует разнонаправленность тенденций в процессе исторического становления этого локального свертктекста, выделяя в этом процессе «развитие, многообразное варьирование и постоянное взаимодействие двух семантических доминант: мессиански окрашенной идеи избранности пермской земли и столь же интенсивно переживаемой идеи отверженности и проклятости этого места»²⁰.

Что же касается Северного текста, то его изучение началось усилиями профессора Н.М. Терехина, основателя одного из самых плодотворных научных направлений, существующих сегодня в пространстве северной гуманитарной парадигмы (исследования сакральной географии Поморья в аспекте семиотики культуры), автора основополагающих для понимания феномена северорусской и других северных культур монографий и статей²¹.

В работах Н.М. Терехина, развивающего традиции семиотической школы, под Северным текстом понимается вся совокупность порожденных Севером или связанных с ним явлений духовной и культурно-исторической жизни, воплощенных не только в слове, но и во всех творениях материальной и духовной культуры народа, во всех рукотворных семиотических системах.

В 2003 году в Северодвинске по инициативе профессора Н.И. Николаева была проведена международная конференция, в название которой впервые был вынесен термин «Северный

текст». В работе этой конференции (полное ее название – «Северный текст в русской культуре») приняли участие литературоведы, культурологи, историки, этнографы, лингвисты. Это была первая попытка осмыслить границы и параметры Северного текста, причем основное внимание уделялось литературной его составляющей. Участвовавший в работе конференции литературовед В.А. Кошелев, отмечая, что «“Северный текст” в составе русского словесного текста сразу и легко узнаваем»²², не дает его определения. Однако материал, содержащийся в его работе, свидетельствует о том, что в понятие «Северный текст» ученый включает такие описания Севера, встречающиеся в отечественной словесности (начиная с повествования в «Повести временных лет» о посещении Новгорода апостолом Андреем Первозванным), которые формируют так называемый «северный миф». Основой этого мифа является «известная геокультурная антиномия *Север – Юг*, явившаяся как осознание неистребимого своеобразия собственно русского начала»²³. При этом, как отмечает исследователь, в XVIII–XIX веках *Севером* в мифологическом контексте этой оппозиции становилась вся Россия (в сопоставлении с Францией, Грецией, Италией).

Во многом соглашаясь с В.А. Кошелевым, мы вкладываем в понятие «Северный текст русской литературы» более определенное и ограниченное содержание: это создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с рубежа XIX–XX веков до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый *северорусский вариант национальной картины мира*, наделенный, наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами. В то же время, несомненно, нельзя не учитывать и предшествующей литературной традиции, заложившей основу формирования развитого мифопоэтического образа северорусской картины мира.

Методология исследования Северного текста русской литературы как свертктекста вырабатывается в процессе изучения этого феномена.

С 2008 года на базе созданной при кафедре литературы Поморского университета (ныне – Института филологии и межкультурных коммуникаций САФУ) научной лаборатории по изучению Северного текста русской литературы проводятся конференции, посвященные актуальным проблемам исследования этого регионального свертхтекста, издаются сборники статей. В 2010 году в Северодвинске прошла международная конференция «Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст», организованная профессором А.Г. Лошаковым, известным лингвистом, автором монографии «Свертхтекст как словесно-концептуальный феномен» (Архангельск, 2007). Таким образом, в последние годы интенсивно исследуются особенности Северного текста русской литературы как одного из самых значительных, содержательных и насыщенных русских литературных региональных свертхтекстов, причем в решение этой актуальной и захватывающей научной задачи вовлечены ученые из разных городов, регионов и стран.

Характеризуя специфику Северного текста, его отличия от других локальных свертхтекстов, назовем наиболее существенные его признаки. Природу Северного текста русской литературы мы определяем не как суммарную совокупность произведений, посвященных Русскому Северу, а именно как художественное единство более высокого уровня (свертхтекст), обладающее, при всей сложности своей структуры, целостностью, общностью мерцающих в глубине его свертхэмпирических высших смыслов. Цельность такого многосоставного явления, как Северный текст обеспечивается прежде всего его глубинным подтекстовым (свертхтекстовым) смыслом, который выявляется в процессе исследования. И именно этот смысл определяет уникальность Северного текста. С нашей точки зрения, сущность этого свертхэмпирического смысла – в восприятии Русского Севера как *мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатленном» виде загадку русского жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой*

души Руси, а также тайну русского поэтического слова.

По убеждению Н.М. Теребихина, которое мы в полной мере разделяем: «Поморье – это душа России, то запредельное северное пространство, где вопрошаются и разрешаются все последние вопросы русской идеи, где обнажаются все глубинные, потаенные задания русской истории, где Промысел Божий о России явлен в чистейшем, беспримесном цвете и свете»²⁴. Это смысловое ядро Северного текста, его «запечатленная» тайна. Но это ядро дополняется смыслами с иной семантикой, противоположными по оценке, в т. ч. сакральными и мифологическими («край земли», «край света», «край в версте от ада», место гибели, страданий), конкретно-историческими (место ссылки, каторги, мучений и гибели), бытовыми и т.д.

Что касается территориальных границ пространства, которое описывает Северный текст (СТ), то они не являются жесткими, однако следует отметить, что под Русским Севером мы традиционно, вслед за Д.С. Лихачёвым и В.Л. Яниным, понимаем «прежде всего территорию Архангельской и Вологодской областей, бассейны рек, текущих в Белое море»²⁵. Но эта территория – ядро, центр гораздо более обширного пространства, включающего в себя и русские районы Карелии и Коми Республики, и северные районы Новгородской, Кировской и Пермской областей, и Кольский полуостров. Русский Север, северорусская историко-культурная зона – это вся обширная территория к северу от водораздела Волга – Северная Двина до берегов Ледовитого океана и от границ с Финляндией до Уральских гор.

На уровне поэтики цельность СТ проявляется в обилии сквозных мотивов и образов (в т. ч. архетипических), в единстве характера пространственно-временной организации художественного мира произведений, образующих этот свертхтекст, в близости индивидуально-авторских восприятий Русского Севера. Все эти черты поэтики СТ отличаются ярко выраженным мифопоэтическим характером и являются тем смысловым уровнем, на котором

эксплицируется представление об устойчивости русской национальной картины мира в ее архаическом (неизменном) варианте.

При том, что первые опыты художественного (литературного) освоения Архангельского Севера были осуществлены еще М.В. Ломоносовым, начало формированию эпического и сказочного облика пространства Русского Севера в художественной картине мира, то есть формированию собственно СТ положил Михаил Пришвин. В повести-сказке Пришвина «За волшебным колобком» (1908) воплощаются основные признаки и характерологические черты опозитизированного Севера: единство природного и культурного, прошлого и настоящего, бытового и сакрального. Дополняли и обогащали эту мифопоэтическую картину в начале XX века Б. Пильняк и Е. Замятин, А. Серафимович, А. Грин и Л. Леонов, который в 1918 году писал о том, что только на Севере «можно уверовать в ту Русь, где еще звенят ломкие хрустальные звоны... Китежа, а мелкие, скомканные бурями и холодным солнцем сосны ещё где-то в верхушках рассказывают спокойно, медленно, не торопясь, про давно исчезнувшего, занесенного пылью и снегом веков Муромца»²⁶. В последующие десятилетия «дописывали» СТ С. Писахов, Е. Гагарин, Н. Тряпкин, Ю. Казаков, Н. Рубцов, А. Яшин, О. Фокина, В. Личутин и др. Ядром же СТ, самой насыщенной и сокровенной его страницей стали, несомненно, произведения Бориса Викторовича Шергина.

Сам характер воздействия Русского Севера на писателей осмысливается ими как нечто, не поддающееся рациональному объяснению, и определяется словами с семантикой чудесного, волшебного. «Я зачарован им до конца

моих дней», – писал Д.С. Лихачёв²⁷. Николай Тряпкин описывал то, что произошло с ним на Русском Севере, так: «Коренной русский быт, коренное русское слово, коренные русские люди... У меня впервые открылись глаза на Россию и на русскую поэзию, ибо увидел я все это каким-то особым, “нутряным” зрением. А где-то там, совсем рядом, прекрасная Вычегда сливается с прекрасной Двиной... И повсюду – великие леса, осененные великими легендами. <...> И я впервые начал писать стихи, которые самого меня завораживали. <...> Я как будто заново родился, или кто-то окатил меня волшебной влагой»²⁸.

Исследование феномена СТ предполагает изучение следующих составляющих представленной в нем художественной картины мира: а) его пространственно-временной организации (художественное время как нерасторжимое единство прошлого, настоящего и будущего; «застывшее» время; сакральный характер пространства, его мифопоэтическая, сказочная природа); б) системы лейтмотивов, формирующих на смысловом («сверхсмысловом») уровне единство СТ (мотивы пути, поиска, испытания, преобразования и др.); в) сквозных образов, прежде всего, архетипических – мифопоэтических и фольклорных (море, река, берег, дорога, дом, камень, Беловодье, Лукоморье и др.). Все эти элементы художественной картины мира необходимо рассматривать в связи с образами-персонажами или лирическим героем.

При этом наиболее плодотворным представляется сочетание анализа отдельных текстов, входящих в Северный текст, и исследования общих свойств художественного мира, представленного в этом сверткесте в целом.

Примечания

¹ Меднис Н.Е. Текст и его границы // Его же. Сверткесты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: http://knigorod.gmsib///files/3_5.rar.

² Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.

³ Лотман Ю.М. Символические пространства // Его же. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 282.

- ⁴ Лотман Ю.М. Текст в тексте // Его же. Об искусстве. СПб., 1998. С. 423.
- ⁵ Меднис Н.Е. Вопросы изучения «городских» текстов русской провинции // Его же. Сверхтексты в русской литературе.
- ⁶ Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибир. филол. журнал. 2002. № 1. С. 27–35; Сибирский текст в русской культуре: сб. ст. Томск, 2002; Сибирский текст в русской культуре: сб. ст. Вып. 2. Томск, 2007; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллект. моногр. Красноярск, 2010; Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул, 2002; Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. Барнаул, 2004; Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. Барнаул, 2006.
- ⁷ См., напр.: Люсый А.П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2003; Прохорова Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- ⁸ См., напр.: Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве...; Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. Архангельск, 2010.
- ⁹ Шмидт Н.В. Городской текст в поэзии русского модернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 2.
- ¹⁰ Меднис Н.Е. Вопросы изучения «городских» текстов русской провинции...
- ¹¹ Зайонц Л.О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature. North Holland. 2003. LIII. С. 323.
- ¹² От редактора [Б.п.] // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллект. моногр. / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск, 2010. С. 4.
- ¹³ Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М., 2010. С. 3.
- ¹⁴ Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>.
- ¹⁵ Соловьёва А.Н. Метатекст субкультуры Русского Севера в контексте модернизационных процессов // Северный текст в русской культуре: материалы междунар. конф., Северодвинск, 25–27 июня 2003 г. Архангельск, 2003. С. 179–189; Ее же. «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. ст. Архангельск, 2011. С. 213–223.
- ¹⁶ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Тр. по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 3.
- ¹⁷ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Тр. по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 30.
- ¹⁸ Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибир. филол. журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- ¹⁹ От редактора [Б.п.] // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. С. 6.
- ²⁰ Абашиев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь. 2000. С. 396.
- ²¹ Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск, 1993; Его же. Лукоморье. Очерки религиозной теософии и маринистики Северной России. Архангельск, 1999; Его же. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.
- ²² Кошелев В.А. «Северный текст» в русской словесности // Северный текст в русской культуре: материалы междунар. конф., Северодвинск, 25–27 июня 2003 года. Архангельск, 2003. С. 5.
- ²³ Там же. С. 10.
- ²⁴ Теребихин Н.М. Геософия и этнокультурные ландшафты народов Баренцева Евро-Арктического региона // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России: сб. науч. ст. Архангельск, 2006. С. 71.
- ²⁵ Лихачев Д., Янин В. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. 1986. № 1. С. 115.
- ²⁶ Северный день. [Архангельск] 1918. 21 июня.
- ²⁷ Лихачёв Д.С. Русский Север // Его же. «Русский Север... Я зачарован им до конца моих дней»: Из творческого наследия. Архангельск, 2006. С. 86.
- ²⁸ Цит по: Кунаев С. «Мой неизбывный вертоград...» // Тряпкин Н.И. Горящий водолей. М., 2003. С. 17.

Galimova Elena Shamilyevna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Philology and Cross-Cultural Communication

THE NORTHERN TEXT OF RUSSIAN LITERATURE AS A LOCAL SUPERTEXT

The article for the first time clearly defines the place of the Northern text of Russian literature in the system of local supertexts (city and regional) prevailing in the national literature, suggests the description of the Northern text and describes its main features.

Key words: *regional supertext, «Northern text», artistic worldview.*

Контактная информация:
e-mail: egalimova2006@yandex.ru

Рецензент – *Еленова М.Ю.*, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова